

Вольные стрелки

НЕСКОЛЬКО десятилетий на нашу литературу давила тяжесть монументов «основоположников». Про них говорили: «был и остается лучшим, талантливейшим...», «Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете...» И уже — не трожи! Ниже не опускай! Так было в прежние десятилетия. А в нынешнее?

— Мы — народ революционный, стало быть, ныне все наоборот. Кто был ничем, тот станет всем, а кто был всем, тот — ничем.

Итак, первая мишень — Горький.

«Был такой посредственный поэт Максим Горький. Правда, наряду с чудовищно безвкусицами соколами, буревестниками и девушками посильнее Фауста нет-нет да и мелькнет у него парочка метких, царапающих строчек: «Для пустой души необходим груз веры...»

Взгляд сверху, с ба-а-а-альшой высоты, а все же обнаружил «парочку» афористических строк (их и искать не надо, открывай книги Горького почти на любой странице!), и походя, небрежно дал щелчка писателю, известному и читаемому во всем мире.

Так пишет Владимир Новиков, один из постоянных авторов «Независимой газеты». Даже Иван Александрович Хлестаков не позволял себе настолько расслабиться, был сдержаннее, когда вдохновенно врал, что с Пушкиным «на дружеской ноге». Ставил себя в один ряд со знаменитостью, но — не выше. «Большой оригинал». Это могло выглядеть как похвала (не то что «парочка» метких строк).

Читаем статью Андрея Немзера в той же «Независимой» о прозе Ильи Митрофанова.

Методика тоже элементарная: приподнять одного писателя за счет другого. Горький — планка высокая.

«Было в нашей словесности что-то похожее. И это не поздний Андрей Белый, а ранний Максим Горький — хлебнувший южной воли и с непривычки свержившийся в аллегорическую безвкусицу, в переспелый (?) метафоризм, в убого правильные, назойливые белые ямбы «Песни о Соколе». Немзер подводит Митрофанова к этой аналогии, чтобы слегка припугнуть, но тут же и отводит: «Аналогия не тождество...» — успокаивает критик, и поскольку новый автор имеет «сильный и чистый голос» (читай: у Горького голос и не сильный, и не чистый!), то вроде опасения наши напрасны, в конце концов «все будет хорошо». Не как у Горького. Так считает ранний (или «поздний») Андрей Немзер.

Все абсолютно вне исторического, общекультурного и литературного контекста, без того, чтобы задать себе вопрос: почему аллегории, к какой традиции она привязана, к кому обращена и как воспринималась читателями в то время, и насколько корректно вообще оценочное сравнение писателя 90-х годов XIX века с писателем 90-х годов XX века?

И еще один пассаж: «Счастливая горечь митрофановской прозы вполне может... восприниматься как реализация того, что не удалось сделать некогда прославленному писателю». То бишь Горькому. Хороший писатель Илья Митрофанов, я прочел одну из его повестей, но надо ли сталкивать его с Горьким, чтобы приподнять одного и принизить другого, может, для начала стоит повнимательнее и без предубеждения прочитать также самого Горького, в прозе которого, в драматических произведениях, право же, можно обнаружить не только «горечь», но и богатейшую, и разнообразную гамму чувств. Ведь если произведения Горького имели такой резонанс в мире и сам он на целое столетие привлёк внимание, то,

возможно, что-то и ему «удалось»...

Прозаик Вячеслав Марченко идет дальше. В большой статье («День», 1992 г., № 33) прежде всего сообщает, какой он всегда был антикоммунист и единому Богу веривший человек (что не помешало быть секретарем парторганизации) и представляет Горького как некоего воспитателя «оборотней». Дескать, он был чуть ли не главным среди писателей, «которым по духу своего творчества как бы надлежало пребывать в вечной оппозиции к властям предрождающим». А он вот не соответствовал этому. Честно говоря, я что-то не припомню и самого Марченко в ряду «вечных» оппозиционеров. Горький-то все-таки в тюрьме сидел, в эмиграции был, с Лениным оспаривал спорить и Сталину кое в чем не угодил. Ну да ладно, Марченко говорит, что он нынче тоже в оппозиции, разрешили.

А главное про Горького вот что: «Он даже ухитрился создать гимн босачеству, наделив его... всеми благородными качествами... и изгавив при этом русское крестьянство, которое, кажется, не только не любил, но и ненавидел, но — парит в свободном полете мысли Марченко, — если учесть, что в пору написания им «Челкаша» и «Деда Архипа и Ленки» Россия по существу была страной крестьянской, то, естественно, нелюбовь его и ненависть переносились на всю державу...»

Логика, прямо скажем, убойная. Да-а, сегодня «лучи варварского иконоборства» (С. Л. Франк) прожигают газетные и журнальные листы, распространяя запах гари, словно по ним прошли каратели. Жаль, конечно, что светоч патриотизма Вячеслав Марченко (пардон, он не любит слово «патриот», предпочитает ему «сын отечества»), — жаль, что сын отечества Марченко не освежил в памяти ничего другого, кроме двух-трех рассказов. Так возьмем хоть Челкаша, которого Горький наделил чертами благородства. Вячеславу Марченко может не понравиться Челкаш, это понятно, а что

скажет наш вольный стрелок про дворянина Пушкина, который в «Капитанской дочке» любит Пугачевым? Марченко же Болотникова, Разина и Пугачева без обиняков называет «ворами и самозванцами». Да что Пушкин, ведь и народ-то, крестьянство прежде всего, за которое весь истердался Марченко, — этих «воров и самозванцев» своими героями сделал, песни про них сложил. И тут писатель Марченко действительно оказался в оппозиции, только не к власти, а как раз... к народу.

А теперь вторая мишень — Маяковский. Не буду касаться бесчисленных публицистов, которые сейчас к месту и не к месту «достают» Маяковского, это не уровень для полемики. Как не уровень для полемики примитивнейшие суждения поэта Александра Иванова о драматургии Маяковского. Но вот несколько «выхлопов» в самое последнее время, которые принадлежат заметным в литературе людям. Для начала процитирую рифмованные строки про «одного печального хомо» с 16-й полосы «ЛГ»: «Немало тлею бреда в крошечной голове, и страстно был он предан — Емю, Кремлю, Москве». Кто же это такой, кто «видел в этом счастье»? А тот, что «часто... повторял: — Я знаю — голод будет, я знаю — голод есть, пока — такие люди, пока — КПСС!»

Узнаете, про кого? Да, конечно. Но кто сочинил эти натузные стишки и пародию? З. Паперный, он же автор когда-то написанной и защищенной в качестве докторской диссертации книги о поэтике Маяковского. Ай-ай-ай, Зиновий Самойлович, что-то с юмором у вас — стало... А ведь было все в порядке, даже сама КПСС дрогнула. А нынче? Над кем смеетесь?!

В «Независимой газете» я прочитал некролог Кронида Любарского памяти Юрия Аркадьевича Карабчиевского. В нем достойно и хорошо сказано о покойном писателе, я разделяю горечь утраты талантливого человека. Но в тексте некролога вот что говорится

про книгу Карабчиевского «Воскресение Маяковского»: «Ее будут читать долго — может быть, дольше, чем поэзию ее героя, о котором Карабчиевский, доведя свою мысль до конца, до парадокса, написал: «Стихов Маяковского вообще не существует в природе, потому что нет и не может быть такого читателя, через которого они могли бы осуществиться». Карабчиевский — осуществился».

Горький повод не позволяет втягиваться в полемику, да этого и не требует нелепость утверждения, что книгу о Маяковском будут читать дольше, чем самого поэта (чего не скажешь стоя у гроба!), и этого противопоставления — кто осуществился и кто не осуществился (оба ушли из жизни добровольно, и неуместно говорить об этом над прахом покойного), но слова Карабчиевского, приведенные Любарским, это, увы, не самый удачный парадокс покойного писателя, он лишен смысла.

То ли дело Юрий Кузнецов, этот гвоздит в газете «День» прямо: «Любим-поэт Маяковский...» И никаких тебе нюансов, да попутно еще поддает Тютчеву за его знаменитое: «Блажен, кто посетил сей мир...» И он, по Кузнецову, оказался среди тех, что «тоже лгут, и иногда лгут самозабвенно». Крутой человек Юрий Поликарпович, он уже и Пушкину, и Блоку указал свое место...

Поверхностной журналистской инерции поддался Э. Поляновский, опубликовавший в «Известиях» большую работу, посвященную гибели О. Мандельштама. Выстраивая свои рассуждения насчет стихов поэта о Сталине — и разоблачительных, и других, которыми Мандельштам пытался защититься от надвигавшейся на него беды, Поляновский пишет, что и те, и другие поэты сочиняли хвалебные оды Сталину, «не говоря уж о Маяковском». Но Маяковский-то не писал таких стихов! У него только дважды, и то попутно, упоминается имя Сталина.

И уж поистине поразил во-

ображение образованной публики поэт Евгений Рейн. Отвечая на вопрос корреспондента «Литературной газеты» об авангардистах, он сказал: «Я полагаю, что эти замечательно талантливые люди, в частности футуристы и Маяковский, проложили дорогу страшной сталинской диктатуре, поскольку почти все они, по сути дела, были антигуманистами» (подчеркнуто мною. — А. М.). Вот такое, простое, как мычание, объяснение дал Рейн величайшей трагедии народа и государства, которую повлекла за собой сталинская диктатура! Во всем, оказывается, виноваты футуристы и Маяковский!

Но, маэстро! Когда на эту тему упражнялись в своей многотиражке скульпторы и художники, все-таки невозможно было предположить, что и поэты могут думать так же... А вы-то! Я уж не говорю про то, что вы чохом объявили антигуманистами... Щадя вас, я не называю имена писателей, которые начинали под флагом футуризма. Глаза отказываются верить, что под этими словами стоит имя известного поэта.

Резвятся вольные стрелки. Палят по мишеням. Иногда и по живым. И повсюду — в подтексте или открыто — политика. Особенно когда пальба идет по живым. Тут главная задача унизить политического оппонента как художника. Скажем, стояло Станиславу Говорухину показаться на Русском национальном собрании, как вдруг он оказался никаким не режиссером, не художником, а как открылось тому же В. Новикову, совсем даже наоборот, непонятно, почему он собрал все призы за свой фильм «Так жить нельзя». С другими его фильмами, очевидно, такой промашки уже не будет...

Резвятся мужики. И уже переходят в рукопашную. Делятся воспоминаниями в газетах (и те охотно предоставляют такую возможность), как обмениваются пощечинами. Один сообщает, что хрястнул по щеке другого, а тот, другой, уточняет, что и не по щеке вовсе, а как-то вскользь, по шее, и что не больно совсем, и он тоже отмахнулся и ударил обо что-то твердое, но не подумайте, тоже, видимо, не больно. Интересно читать!

Кто сказал, что скучно на этом свете, господа?